

Научная статья
УДК: 343.065

ДАКТИЛОСКОПИЯ В ИСТОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ РОССИИ И ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (КРАЯ): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елена Васильевна Севостьянова¹, Елена Александровна Скобина²

^{1,2}Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация

¹Sevostyanova.elena@mail.ru

²skobinamalyshenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возникновение, эволюция и институциализация дактилоскопии в России, начало ее применения и динамика в отдельном регионе – Забайкальской области (крае). Авторы, соглашаясь с общепринятой периодизацией развития данной отрасли трасологии, акцентируют, что в российской правоохранительной практике дактилоскопия первоначально использовалась для регистрации и идентификации отдельных категорий правонарушителей скорее в криминологических, чем в криминалистических целях.

В России, как и в других странах, дактилоскопия прошла путь от эмпирических наблюдений и эпизодического применения к научно обоснованной системе криминалистической идентификации. Особый интерес представляет её первоначальное применение в периферийных регионах Российской империи, таких как Забайкальская область (ныне Забайкальский край), специфические географические и социально-политические условия которой определили направленность и специфику пенитенциарной политики Российской империи. Это, в свою очередь, обусловило использование дактилоскопии на начальном этапе как средства регистрации беглых каторжников и лиц, обвиняемых в бродяжничестве. В Забайкалье, где угроза преступности исходила в значительной мере от беглых ссыльных, дактилоскопический метод продемонстрировал свою эффективность и стал основой для формирования централизованной системы учёта преступников. Анализируется развитие дактилоскопии в Забайкалье в советский и постсоветский период с учетом объективных условий, статистических данных.

В Забайкальской области в советский период метод был интегрирован в систему уголовного розыска: началось формирование дактокартотеки, созданы научно-технические подразделения, внедрена автоматизированная система АДИС «Папилон». По сведениям ИЦ УМВД России по Забайкальскому краю, количество преступлений, раскрытых с помощью дактилоскопии, за последние пять лет имеет тенденцию к увеличению. Вместе с тем отмечается недостаточное использование передовых методик.

Ключевые слова: криминалистика, дактилоскопия, идентификация, история криминалистики, розыск преступников, Забайкальская область, Забайкальский край

Для цитирования: Севостьянова, Е. В., Скобина, Е. А. Дактилоскопия в истории криминалистики России и Забайкальской области (края) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 36. № 4. С. 196–212.

DACTYLOSCOPY IN THE HISTORY OF CRIMINALISTICS IN RUSSIA AND THE TRANSBAIKAL REGION: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Elena V. Sevostyanova¹, Elena A. Skobina²

^{1,2}Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, Russian Federation

¹Sevostyanova.elena@mail.ru

²skobinamalyshenko@mail.ru

Abstract. The article examines the origin, evolution, and institutionalization of dactyloscopy in Russia, its initial application, and dynamics in a specific region – the Transbaikal Oblast (Krai). While agreeing with the generally accepted periodization of this branch of trace evidence, the authors emphasize that in Russian law enforcement practice, dactyloscopy was initially used for the registration and identification of certain categories of offenders, primarily for criminological rather than forensic purposes.

In Russia, as in other countries, dactyloscopy evolved from empirical observations and sporadic use to a scientifically grounded system of forensic identification. Of particular interest is its initial application in peripheral regions of the Russian Empire, such as the Transbaikal Oblast (now Transbaikal Krai), whose specific geographical and socio-political conditions shaped the direction and specifics of the Russian Empire's penal policy. This, in turn, led to the use of dactyloscopy in the initial stage as a means of registering escaped convicts and vagrants. In Transbaikalia, where the threat of crime largely stemmed from escaped exiles, the dactyloscopic method proved effective and became the basis for forming a centralized system of criminal registration. The development of dactyloscopy in Transbaikalia during the Soviet and post-Soviet periods is analyzed, considering objective conditions and statistical data.

In the Transbaikal Oblast during the Soviet period, the method was integrated into the criminal investigation system: a dactyloscopic card index began to be formed, scientific and technical units were created, and the automated system ADIS "Papillon" was introduced. According to the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Transbaikal Krai, the number of crimes solved using dactyloscopy has shown an increasing trend over the past five years. However, insufficient use of advanced methodologies is noted.

Keywords: forensics, fingerprinting, identification, history of forensics, criminal investigation, Transbaikal Region, Transbaikal Territory

For citation: Sevost'yanova, E.V., Skobina, E.A. Daktiloskopiya v istorii kriminalistiki Rossii i Zabajkal'skoj oblasti (kraya) [Dactyloscopy in the history of criminalistics in Russia and the Transbaikal region: historical and legal analysis] // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025, vol. 36 no. 4, pp. 196–212 (in Russ.).

Введение

Дактилоскопия занимает особое место в истории криминалистики: ее развитие связано с эволюцией методов идентификации личности, борьбы с преступностью и формированием правовых институтов. Специалисты выделяют три основных исторических этапа развития судебной экспертизы в целом и дактилоскопической экспертизы в частности: донаучный или эмпирический (с середины XIX); научный (с 70-х гг. XX в.) и современный (с начала XXI в.) [1]. Существуют и иные этапы классификации [2], [3]. При этом наблюдается недостаток конкретно-исторических региональных исследований, рассматривающих как этапы и причины введения дактилоскопии в Российской империи, так и основные тенденции развития дактилоскопии с учетом региональной специфики применения.

В России, как и в других странах, дактилоскопия прошла путь от эмпирических наблюдений к научно обоснованной системе криминалистической идентификации. Особый интерес представляет её применение в периферийных регионах империи, таких как Забайкальская область (ныне Забайкальский край) – «место ссылки и каторги», где особенности использования дактилоскопии определялись спецификой пенитенциарной имперской системы.

Представляется, что изучение истории дактилоскопии позволяет не только реконструировать эволюцию методов борьбы с преступностью, но и понять, как правовые и административные практики адаптировались к специфике периферийных территорий. В качестве основных

источников использовались архивные и опубликованные документы и статистические сведения официальных органов, свидетельствующие о генезисе дактилоскопии в стране и ее отдельном субъекте.

Основная часть

При введении в России дактилоскопии учитывался как опыт западных государств, так и назревшие потребности организации тюремного дела и сыска империи. Учитывая заявленный исследовательский ракурс, акцентируем, что одной из основных причин введения дактилоскопии на территории Российской империи было стремление организовать эффективную борьбу с бродяжничеством. Дактилоскопия имела хороший профилактический эффект арестантских побегов.

Обязанность производства дознания и розыска по судебным уставам 1864 г. являлась обязанностью общей полиции Забайкальской области. Вещественным указанием на виновника преступления были следы пальцев рук [4, с. 32, 201].

Значение зарождающихся научных методов сыска и регистрации преступников, в том числе беглых из Сибири, в этот период имело особую важность. Правоохранителям уже было недостаточно только тюремной карточки арестантов (осуждённых), потребовалось дополнить регистрационную карточку Бертильона пальцевыми оттисками. Именно метод дактилоскопии (пальцевых оттисков) ставился на первое место для идентификации беглых преступников и бродяг [5, с. 19].

Бродяжничество оценивалось правоведами конца XIX – начала XX в. как один «из самых опасных врагов

общественной безопасности» и справедливо вызывало со стороны правительства в разное время как превентивные, так и карательные меры. В качестве состояния, угрожающего правопорядку, бродяжничество (наличие «массы праздношатающихся гулящих людей», находящихся в состоянии «развратной праздности») начинает обращать на себя внимание законодателя еще во второй половине XVII в¹.

С введением ссылнокаторжной системы одним из источников бродяжничества становится ссылка и каторга, побеги с которой были бичом имперской пенитенциарной системы, угрозой общественному порядку, в том числе в Забайкальской области. Так, например, газета «Сибирь» в 1876 г. пугала обывателя сообщениями о том, что Забайкальская область «славится зверскими убийствами по несколько человек разом, совершамыми в большинстве беглыми ссылнокаторжными и поселенцами». Про «шайки беглых из Сибири» нередко писали газеты и журналы и в начале XX в.²

Согласно губернаторскому отчету, в 1884 г. в Забайкальской области из числа всех преступлений (661) половина (306) приходилась на каторжных, поселенцев и бродяг (которыми становились бежавшие ссылнокаторжные). За 1887 г. из 862 преступлений наибольшее количество (250) относилось к бродяжничеству и укрывательству беглых.

Неоднократно по вопросу о борьбе с бродяжничеством видные рос-

сийские юристы высказывали пожелания реформировать следственную и сыскную часть так, чтобы обнаружение беглых преступников и нераскрытых виновников преступления достигалось не «драконовскими постановлениями» (ужесточением законодательных мер) относительно бродяг, а другими, более целесообразными, способами.

Надо отметить, что до конца 80-х гг. XIX в. описание примет ссыльных в статейном (сопроводительном) списке делалось в самых общих чертах, что не позволяло точно его идентифицировать. Поэтому введение с целью предупреждения побегов обязательного фотографирования стало более эффективным средством. Кроме того, согласно правилам, утвержденным Министерством юстиции 31 декабря 1904 г., в статейные списки ссыльных стали вносить описание правого уха, лба и носа, с приложением фотографических изображений в двух ракурсах³. Точное соблюдение указаний, несомненно, могло бы способствовать более эффективной деятельности по задержанию беглых преступников, но для установления полного тождества требовалось применение более точных методов. В этом случае как раз на дактилоскопию возлагались большие надежды.

Дактилоскопия как метод регистрации, а также борьбы с бродягами и рецидивистами, активно начала развиваться с 1906 г., с момента создания Центрального дактилоскопического бюро (ЦДБ) при Главном тюремном управлении. Первоначально бюро занималось накоплением дактилоскопических листов и созданием базы данных [6, с. 8]. Все служебные функции по отношению к ЦДБ (приготовление необходимых материалов

¹ Ст. 14.357. 1775. Августа 12. Именный, данный Московскому обер-полицмейстеру. Об учреждении под ведомством тамошней полиции особой больницы и работных домов // Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. С 1775 г. по 1780 г. № 14233-15105. С. 198-199.

² Гранковский Е. Задержание беглых // Вестник полицейского управления. 1908. № 6. 10 февраля.

³ Наставления о порядке освидетельствования, распределения, регистрации и препровождения ссыльных : [Утв. 31 дек. 1904 г.]. СПб., 1905. 41 с.

– составление дактилоскопических листков на лиц, обвиняемых в бродяжничестве) выполнялись на местах не судебными следователями и полицией, а тюремным начальством. Из числа содержащихся под стражей дактилоскопированию подлежали: обвиняемые в преступлениях, влекущих за собою наказания, соединенные с лишением всех прав состояния; осужденные к ссылке в каторжные работы или на поселение (если ранее не было сделано дактилоскопических снимков); обвиняемые в бродяжничестве⁴.

ГТУ ввело за правило регулярно публиковать в журнале «Тюремный вестник» успешные случаи обнаружения беглых каторжников в результате дактилоскопической экспертизы ЦДБ. Иногда эти сообщения перепечатывали как специализированные журналы («Вестник полиции»), так и массовая печать. С одной стороны, подобного рода многочисленные публикации играли информационную роль, с другой – были несомненным свидетельством эффективности дактилоскопического учета. Так, начальник Александровской центральной пересыльной тюрьмы представил в ЦДБ листок, составленный 11 декабря 1908 г. на бродягу, назвавшего себя Н. С. Гречишниковым (он же К. Я. Гиченков), осужденным мировым судом Балаганского уезда по обвинению по ст. 951 Уложения о наказании в исправительное отделение на 4 года. Исследование ЦДБ показало, что на самом деле обвиняемый – ссыльно-каторжный внетюремного разряда Кутомарской тюрьмы Нерчинской каторги Ф. П. Ломов, отбывавший за убийство 20-летнюю каторгу. Дакти-

⁴ Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.: Ч. 1. СПб.: Глав. тюрем. упр., 1911. 680 с.

лоскопический листок на него был составлен 2 июня 1907 г., а 26 августа 1907 г. Ф. П. Ломов в числе шести заключенных бежал⁵. В 1913 г. ЦДБ установило по просьбе Иркутского сыскного отделения личность обвиняемого в бродяжничестве А. П. Сизова. Оказалось, что это ссыльно-каторжный В. Г. Тимофеев, осужденный в Чите военно-полевым судом 21 сентября 1906 г. за покушение на начальника тюрьмы на 20 лет каторги и бежавший со строительства Амурской железной дороги в июле 1912 г⁶.

Про «шайки беглых из Сибири» газеты и журналы нередко писали и в начале XX века. Раздобыв поддельные паспорта, ссыльнопоселенцы становились организаторами и участниками преступных объединений (от 2 до 30 человек), промышлявших разбоями, грабежами, кражами. Участники банд так запугивали население, что те боялись опознавать их на следствии.

По данным Главного тюремного управления (ГТУ), в 1915 г. Забайкальская область относилась к числу 16 губерний и областей Российской империи с высокими рисками побегов осужденных – в среднем более 20 человек в год⁷.

Так, по отчету забайкальской тюремной инспекции, в 1916 г. из общего числа ссыльнопоселенцев (14 513) в местах водворения находились только 4 752. Отсутствовали (были на заработках) с разрешения полиции 7 587 человек, числились в «неизвестной отлучке и в бегах» – 2138 –

⁵ Отклики печати // Вестник полиции. 1909. № 6. 10 февраля.

⁶ Установление личности бродяг // Тюремный вестник. 1913. № 5. Май. с. 787.

⁷ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Часть 1. Объяснения. Петроград: Тип. Петроградской тюрьмы, 1917. 93 с.

почти 15%⁸. По оценке губернатора, именно эта «категория – бродячая, бездомная, является наиболее опасной для общественного спокойствия, поставляя контингент участников разных преступлений».

С 1907 по 1913 гг. по запросам губернаторов, губернских правлений, судебных следователей, мировых судей, сыскных отделений, жандармских и полицейских управлений с помощью дактилоскопии была установлена личность 501 бродяги. Если в 1907 г. была выполнена одна идентификация, в 1908 г. – четыре, то с 1909 г. деятельность ЦДБ возрастает. В 1909 г. было идентифицировано 23 обвиняемых в бродяжничестве, в 1910 г. – 36, в 1911 г. – 107, в 1912 г. – 146, в 1913 г. – 184, в 1914 г. – 220, в 1915 г. – 253, в 1916 г. – 173⁹.

Со временем дактилоскопию как способ идентификации стали использовать и в отношении других категорий лиц, личность которых по тем или иным причинам оказывалось «затруднительно установить окончательно местными мерами». Всего за период с 1907 по 1 декабря 1916 гг. в ЦДБ поступило 99 005 дактилоскопических листков. Отметим, что по результатам деятельности ЦДБ был подготовлен особый доклад на арельский Международный конгресс судебной полиции в Монако. Министерство юстиции 23 апреля 1912 г. издало циркуляр на имя председателей окружных судов о принятии мер к тому, чтобы судебные следователи и лица, исполняющие их обязанности, при производстве предварительного следствия по делам о бродяжничестве обращались для установления

личности обвиняемых к содействию существующего при ГТУ дактилоскопического бюро.

Особое значение дактилоскопия прибрела с созданием сыскной полиции. Регистрационные бюро сыскных отделений, созданные по требованию Департамента полиции, использовали дактилоскопирование и как самостоятельное средство регистрации, и как направленное на установление личности преступника. В. И. Лебедев указывал: «Дактилоскопия – часть стройной системы, состоящей из шести способов регистрации, только в совокупности дающей судебно-полицейской власти «действительно неопровергимый документ» [5, с. 33].

Тем самым было положено начало созданию криминалистического учёта, который со временем оформился в Центральный справочный алфавит (ЦСА) Департамента, которым был разработан новый образец регистрационной карты, признанный международным сообществом в 1909 году лучшим для международной карточки. Основные технические средства, с помощью которых осуществлялось дактилоскопирование в указанный период, – металлическая пластиинка, каучуковая катушка и типографская краска [5, с. 42]. Отпечатки пальцев на местах происшествия фиксировались посредством фотографирования; невидимые отпечатки с целью их проявления обрабатывались ляписом, путём окрашивания краской Судан III, посыпанием порошками (графитом на бумаге и свинцовыми белилами на стеклянной и другой поверхности); использовалось проявление отпечатков парами йода; применялись дополнительные источники света для усиления контрастности. Изъятие следов происходило с помощью клейкой массы на полотне, наподобие гектографа, снимок помещался под стекло и как вещественное доказательство хранился при деле [7, с. 64-66]. Для выявления

⁸ Посчитано по: ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 113. Оп. 7. Д. 658. Л. 8.

⁹ Результаты деятельности Центрального дактилоскопического бюро за время с 1907 по 1913 гг. // Тюремный вестник. 1914. № 2. С. 231.

следов рук на металлической рельефной поверхности применялся метод гальванопластики, основанный на электролизе. Для изъятия следов использовались липкие плёнки иностранного производства. Несмотря на то, что изготовление дактилоскопических карт зачастую было некачественным, с различными казусами и путаницей, тем не менее постепенно дактилоскопия входила в число средств криминалистики. С 1910 г. началось производство дактилоскопической экспертизы [8, с. 51-56].

Накопление научных данных, изучение зарубежного опыта, создание эмпирической базы, совершенствование технических приемов, популяризация дактилоскопии – в совокупности все эти факторы повлияли на институциализацию дактилоскопии. Благоприятные результаты при установлении личности бродяг отчасти послужили причиной того, что Министерство юстиции 23 апреля 1912 г. издало циркуляр на имя председателей окружных судов о принятии мер к тому, чтобы судебные следователи и лица, исполняющие их обязанности, при производстве предварительного следствия по делам о бродяжничестве, обращались для установления личности обвиняемых к содействию существующего при ГТУ дактилоскопического бюро. Желательность создания в Российской империи специальных кабинетов научно-судебной экспертизы поддержали министр юстиции, Государственная Дума (признавшая необходимость открытия кабинетов научно-судебной экспертизы не только в Санкт-Петербурге, но и во всех судебных округах), Государственный Совет. Результаты экспертизы в качестве доказательства стали приниматься судами с 1912 г.

Первый Кабинет научно-судебной экспертизы был открыт в Петрограде 9 декабря 1912 г. и по 1 января 1914 г. выполнил 311 иссле-

дований, из них 43 дактилоскопических¹⁰. Одной из задач уголовно-технического отдела кабинета, открытого с целью обнаружения и фиксирования на месте совершения преступления «всевозможного рода следов, могущих служить в целях отождествления личности», стала и дактилоскопия. В частности, в отчете описана кража со взломом, по обстоятельствам которой выяснилось, что злоумышленники работали в перчатках. Поскольку деньги во взломанном шкафу хранились в конвертах, которые были брошены на месте, то эксперты предположили, что при разборе бумаг похитители могли снять перчатки. В лаборатории, действительно, удалось обнаружить «очень отчетливый отпечаток пальца, вполне пригодный для отождествления личности». Помимо этого, кабинет стал и просветительской площадкой: за год обучение прошли 18 человек (товарищи прокурора, судебные следователи, врачи), вошедшие в состав персонала подобных кабинетов в других городах. Курсы устраивались для слушателей военно-юридической академии, слушателей жандармских курсов, чиновников судебного ведомства, воспитанников училища правоведения. Отметим, что подобного специального кабинета судебной экспертизы в Европе не существовало, а там, где они были (Париж, Вена, Рим), являлись «придатком» к антропометрическим бюро при полицейских управлениях.

С 1 января 1914 г. подобные кабинеты начали действовать в Москве, Киеве, Одессе, однако дактилоскопия в них не была превалирующим исследованием из-за плохого качества

¹⁰ Отчет о деятельности кабинета научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты за период времени с 9 декабря 1912 г. по 1 января 1914 г. // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 5. Май. С. 272–284.

образцов для сравнительного исследования, отбираемых неквалифицированными специалистами. Однако наличие негативного опыта стимулировало как развитие новых способов исследования (гальванопластика), так и создание клейкой бумаги для изъятия следов.

Формирование дактилоскопической картотеки в советской России началось с 1919 г., с момента регистрации судимых лиц. Увеличение количества дактокарт и их систематизация, основанная на выведении основной и дополнительной формул для 10-пальцевой дактилоскопической картотеки (метод П. С. Семеновского) [6, с. 6], заложили основу учётно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел. Забайкалье в этот процесс включилось значительно позже, регистраторы-дактилоскописты при уголовном розыске Читинской городской милиции свою работу начали только в середине 30-х годов прошлого века, с момента создания Научно-технического отдела при уголовном розыске области (1930 г.). Их деятельность существенно расширилась благодаря использованию направленного по регионам Пособия по дактилоскопии, которое содержало пошаговую инструкцию как правильно «снять отпечатки пальцев», хранить дактокарты, проверять задержанных по дактилоскопической карте¹¹.

В 1940 г. научно-технические отделения реорганизованы в криминалистические подразделения и выделены из отделов уголовного розыска.

Положение о первом специальному отделе НКВД СССР возлагало на вновь созданный отдел обязанности в том числе по созданию и функцио-

¹¹ Пособие по дактилоскопии / Главное управление рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Отдел уголовного розыска. Только для органов НКВД. — М.: Изд. ГУРКМ НКВД СССР, 1935. 89 с.

нированию централизованной дактилоскопической картотеки (2-е отделение указанного отдела). Постановке на дактилоскопический учёт в обязательном порядке подлежали преступники, содержащиеся в тюрьмах, исправительных лагерях, колониях, других местах заключения, а также преступники, меняющие свои личные установочные данные¹².

В период Великой Отечественной войны эксперты выполняли свою работу в невероятно тяжёлых условиях, личный состав был переведён на казарменное положение и жил в лабораториях. Так, эксперт научно-технического отделения МУРа А. Ф. Еремейкин, имея всего два следа пальцев рук, изъятых с места происшествия, с использованием легенды смог проверить папиллярные узоры рук у более чем трёхсот человек и установить преступника на оборонном предприятии.

В условиях военного времени, когда Центральное уголовно-регистрационное бюро и все картотеки были эвакуированы в Уфу, большое значение имела опубликованная в 1937 г. работа Б. М. Комаринца, который разработал систему кодировки папиллярных узоров всех десяти пальцев [9]. Метод позволял не отправлять дактилоскопические изображения для идентификации – и сложно, и дорого, а наводить справки по телефону или телеграфу [10, с. 9]. Война не прервала не только практическую, но и научно-исследовательскую деятельность. Так, в 1942 г. в г. Ташкенте эксперт-химик И. Н. Назаров впервые идентифицировал преступника по призна-

¹² Приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00232 Об организации 1-го Специального отдела НКВД СССР от 28.02.1941 // Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917-1991. Справочник. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров.- М. Изд. Материк, 2003.776 с.

кам микрорельефа папиллярных линий [11, с. 94].

Производство дактилоскопической экспертизы увеличилось с 1948 г. Это было связано с существенным количеством проведённых экспертиз и системной методической деятельностью в годы войны, а также с созданием в 1945 г. Научно-исследовательского института криминастики (НИИК) и расширением штатных единиц экспертов-дактилоскопистов на местах, их методическим оснащением. В этот период увеличивается количество научных работ по дактилоскопии пальцев рук и ладонной поверхности. Существовавшие устройства и способы сравнительного исследования (идентификации) дактилоскопических отпечатков, основанные на сопоставлении дактилоскопических формул, обладали «ограниченной точностью», не обеспечивали скорости и производительности процесса. Этот недостаток устранили С. А. Литинский и Л. Г. Эджубов. Предложенный ими и запатентованный в 1957 г. способ был основан на предварительной кодировке исследуемого и сравниваемого отпечатков пальцев путём разметки расположения характерных признаков (центр узора, раздвоения, островки и т. п.). Затем отпечаток фотографировали на плёнку и посредством фотоэлектронного автомата производили сравнение¹³. Хотя сама разметка производилась вручную, полагаем, что можно считать этот период началом процесса автоматизации дактилоскопии.

В 60–70-х годах XX в. создание криминалистических лабораторий

¹³ Литинский С. А., Эджубов Л. Г. Способ сравнительного исследования (идентификации) дактилоскопических отпечатков и устройство для осуществления способа: Описание изобретения к авторскому свидетельству. Москва. Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. 1957.

существенно продвинуло дактилоскопию, в СССР она стала самым востребованным способом идентификации человека, как преступника, так и неопознанного трупа. В Забайкалье в этот период лаборатории были созданы в Борзинском, Петровско-Забайкальском и Шилкинском отделах ОВД Читинской области. Среди криминалистов области в сфере дактилоскопии успешно работали Владислав Михайлович Степанов, Виктор Васильевич Пьянников¹⁴.

В 1987 г. коллективом авторов был изобретен люминесцентный порошок, предназначенный для повышения качества выявления и фотоскопии отпечатков, зарегистрированный в 1991 году¹⁵. В этот же период был внедрён метод математического описания папиллярных узоров, разработанный В. Л. Шмаковым (1987 г.).

Принимая во внимание значимость учета дактилоскопических данных в деятельности следственных органов по расследованию преступных деяний, в 1989 г. было принято решение о разработке и введении общей для государства единой автоматизированной дактилоскопической системы АДИС ПАПИЛОН (1989) [12, с. 117–122]. Её действие связано с унифицированным дактилоскопическим учетом – специальным учетом информации о лицах, оставивших отпечатки рук на месте происшествия, а также фактов принадлежности следов рук, изъятых по нескольким преступлениям, одному и тому же не-

¹⁴ На страже правопорядка. Очерки о Забайкальской милиции. 200-летию МВД посвящаются. Чита: Стиль, 2002. 287 с.

¹⁵ Ковалев В. И., Ахмеджанова И. Т., Воробьёв В. А., Мезенцев Б. Л., Голов В. М., Смирнов Н. В., Чумаченко В. Н. Дактилоскопический порошок и способ его получения. Описание изобретения к авторскому свидетельству. Москва. Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. 1991.

установленному лицу. Учету подлежат: анкетные сведения; информация о судимости и наличии особых примет; оттиски десяти пальцев, а также абсолютная дактилоскопическая формула. Эта информация ставится на учет в ИЦ УМВД и выгружается в ГИАЦ МВД сотрудником информационного центра [13, с.74].

Автоматизированный способ существенно ускорил процесс обработки информации, начал вытеснять ручной способ регистрации и способствовал эффективному раскрытию преступлений, сократив время, необходимое для осуществления процесса учета и выдачи необходимой криминалистической информации.

Совершенствование системы дактилоскопии наряду с автоматизацией включало и совершенствование способов снятия отпечатков. Так, например, в 1994 г. были созданы цветные магнитные дактилоскопические порошки, зарегистрированные в 1997 г¹⁶.

Огромный вклад в развитие дактилоскопии Читинской области внесла ветеран органов внутренних дел Л. К. Филиппова, которая начинала службу в 80-х годах прошлого столетия, продолжает трудиться экспертом в настоящее время, и для коллег является примером ответственного и скрупулёзного отношения к работе. Она отмечает, что дактилоскопическая техника шагнула далеко вперёд: так называемые дедовские методы уходят в прошлое, уже во всех отделах полиции в дежурных частях стоят бескрасковые устройства для считывания информации кожного покрова рук человека – сканер «Папилон». Сканер позволяет сразу дактилоско-

¹⁶ Ильин А. П., Вохминцев Б. К., Краснятов Ю. , Куницын А. А. Способ получения окрашивающих дактилоскопических магнитных порошков. Описание изобретения к авторскому свидетельству. Москва. 1997.

пировать задержанных и доставленных лиц, идентифицировать их, быстро пополнять базу, осуществлять поиск и распознание [14, с. 126-128].

Кроме того, новые методы выявления следов с помощью усовершенствованных паст и порошков позволяют выявлять их на очень маленькой поверхности – шприцах, упаковке одной дозы наркотиков, фольге, внутренней поверхности резиновых перчаток, на неровных поверхностях, в том числе с помощью цианакрилатной камеры. С её помощью могут выявляться следы на посуде, пластике, дереве и рельефных поверхностях. Давность происхождения следов может датироваться двумя, пятью и даже 10 годами. Однако современные эксперты, несмотря на наличие новых паст и люминисцентных, флуоресцентных [15, с.157-161] порошков, используют также проверенные десятилетиями магнитные порошки Коралл, Рубин, сажу.

Начало нового века ознаменовало собой создание экспертно-криминалистических центров при управлениях внутренних дел, в том числе в Читинской области (с 2008 г. переименован в ЭКЦ УМВД РФ по Забайкальскому краю).

Действующий дактилоскопический учёт содержит не только оттиски десяти пальцев, но и анкетные данные о лице, сведения о судимости, сведения о наличии особых примет и абсолютную дактилоскопическую формулу¹⁷. Соответственно, современная дактилоскопия в Забайкальском крае – это не только колossal-

¹⁷ Приказ МВД Российской Федерации от 10.02.2006 г. № 70 Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: [ред. от 11.09.2018] // [Электронный ресурс] URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056629?items=1&page=1> (дата обращения 24.08.2025).

ный массив (1 235 928) дактокарт, который постоянно пополняется, но и оттиски папиллярных узоров. Постоянно происходит совершенствование учета дактилоскопических данных, развиваются и появляются новые технологии.

Старший эксперт-криминалист (дактилоскопист-папиллонист) ЭКЦ УМВД РФ по Забайкальскому краю О. В. Соснина отмечает, что база АДИС «Папилон» пополняется не только папиллярными узорами ногтевых фаланг, но и средних, а также ладоней. Последние продолжают проверяться вручную, во избежание ошибок, в то время как ногтевые, изъятые с места преступления и происшествия, кодируются и с помощью специальной автоматической программы проверяются, сравниваются с имеющимися в базе дактокартами. В случае сомнений эксперт всегда может перепроверить след вручную, так как и автоматическая система может допустить ошибки [16, с. 141]. Оценка папиллярных узоров требует от специалистов всё большего числа частных признаков (10–12), позволяющих идентифицировать человека в течение дежурных суток.

Кроме того, этот вид экспертизы позволяет установить личность непознанного трупа, обнаруженного на месте происшествия. С этой целью кисти его рук дактилоскопируют, дактокарту проверяют по учётам МВД. Если при жизни неизвестный дактилоскопировался хотя бы раз, личность устанавливается очень быстро.

Более 70% преступлений в Забайкальском крае раскрываются благодаря данной экспертизе. Количество преступлений, раскрытых с помощью дактилоскопического учёта, по сведениям ИЦ УМВД России по Забайкальскому краю за последние пять лет (2020–2024 гг.) имеет устойчивую тенденцию к увеличению с 2019 по 2021 годы. Показатели

в 2019 г. составили 454, в 2020 г. – 528, в 2021 году – 578. В 2022 г. происходит небольшое снижение до 541, затем в 2023 году рост – 574.

В период с 01.2020 по 12.12.2024 загружено в массив ИЦ УМВД России по Забайкальскому краю по наиболее распространённым тяжким и особо тяжким преступлениям: по ст. 105 УК РФ более 1390 карт, по ст. 111 УК РФ более 290 карт, по ст. 131 УК РФ более 350 карт, по ст. 158 УК РФ более 19430 карт, по ст. 161 УК РФ более 1840 карт.

Однако не все способы и возможности криминалистической науки используются надлежащим образом в дактилоскопии. На это неоднократно указывали многие авторы. На слабую реализацию методов выявления маслянистых следов папиллярных узоров неоднократно указывали криминалисты Красноярска [17; 18]. В. И. Саньков и А. В. Хмелёва обосновывают редкие случаи производства пороскопических и эджеоскопических исследований в дактилоскопии не отсутствием методик, а сложностью и трудоёмкостью исследования (для его проведения след необходимо увеличивать в 40 раз), отсутствием знаний следователей о их существовании, отсюда – невостребованностью [19, с. 57]. В Забайкальском крае с 2008 по 2023 гг. такая экспертиза проводилась единожды.

Совместная исследовательская работа медиков и криминалистов позволила авторам прийти к выводу о том, что совокупность признаков папиллярных узоров, известных дактилоскопистам, может использоваться в дерматоглифике для получения дополнительных характеристик личности – о наличии различных заболеваний нервной системы, праворукости или леворукости [20, с. 134]. Дерматоглифическая экспертиза экспертами Забайкалья не проводилась.

После проведения дактилоскопии дактокарта направляется в отдел

пофамильного и дактилоскопического учёта ИЦ УМВД РФ по Забайкальскому краю; вносится в базу и хранится в соответствии с приказом МВД РФ от 10.02.2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». Как отмечает начальник отдела Е. Ю. Тарасова, самые старые дактограммы, которые хранятся в архиве ИЦ, относятся к 1961 г. Кроме того, сведения из базы направляются в ГИАЦ МВД России в Москву.

Таким образом, информационные возможности АДИС «Папилон» трудно переоценить: включает в себя текстовую информацию; отпечатки пальцев и ладоней; дактограммы и контрольные оттиски; дактилоскопическую формулу; фотоизображение внешности и особых примет; словесное описание внешности; осуществляет экспорт и импорт дактограмм в МВД России, Интерпол. Современные исследования связаны с расширением возможностей системы на основе использования нейросетевых технологий и алгоритмов, что позволяет говорить о качественно новом уровне автоматизации и результативности¹⁸. Отметим, что применение искусственного интеллекта закрепляет лидирующую позицию АДИС «Папилон» на мировом уровне.

¹⁸ Краткая история АДИС ПАПИЛОН. Нейросетевой анализ рекомендательных списков в АДИС ПАПИЛОН-9 // [Электронный ресурс] URL: https://www.papillon.ru/wp-content/uploads/АДИС_Нейро_08_05.pdf?ysclid=mhotqvs44p961043985 (дата обращения 07.10.2025).

Согласно законодательству¹⁹, обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат граждане России, подозреваемые в совершении преступления или осужденные за его совершение, иностранные граждане и лица без гражданства, сотрудники структур МВД, ФСБ, судебных приставов, системы ФСИН, Следственного комитета РФ²⁰, военнослужащие, призывники на военную службу.

Первоначально дактилоскопические следы и следотека, которой до сих пор пользуются все ведомства, была создана и функционирует в системе МВД РФ. Однако с 2022 г. Следственный комитет РФ начал деятельность по формированию собственной базы дактилоскопической следотеки²¹. Это ставит новые вопросы о стандартизации, эффективной координации и централизации учётных систем.

¹⁹ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (с изм. от 25.12.2023 ФЗ № 648, вступившими в силу с 23.06.2024) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12708> (дата обращения 25.08.2025).

²⁰ Приказ СК России от 04.10.2022 № 115 «Об утверждении порядка проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-sk-rossii-ot-04102022-n-115/> (дата обращения 24.08.2025).

²¹ Приказ СК России от 18.08.2022 № 64 «Об утверждении инструкции по формированию, ведению и использованию дактилоскопической следотеки Следственного комитета Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://sec.sledcom.ru/center/krimuch.html> (дата обращения 17.08.2025).

Некоторые авторы обосновывают актуальность и необходимость введения всеобщей дактилоскопии всех граждан России, аргументируя тем, что это позволит установить личности погибших в катастрофах и авариях; установить лиц, потерявшимся по причине нарушенного ментального здоровья и/или не имеющих возможности сообщить свои анкетные данные (пожилые люди, страдающие деменцией, малолетние дети) [21, с. 94].

Выводы и заключение

Историко-правовой анализ показывает, что дактилоскопия в России изначально была ориентирована на решение конкретных актуальных для государства оперативных задач: борьбу с бродяжничеством, предотвращение побегов с каторги и установление личности рецидивистов. Историческая динамика убедительно свидетельствует, что система дактилоскопического учета в Российской империи, в СССР и в современной России непрерывно совершенствовалась, вполне успешно адаптируясь как к сложившимся условиям, так и к новым вызовам. Создание Центрального дактилоскопического бюро при

Главном тюремном управлении стало начальным ключевым этапом в институционализации метода, а последующее открытие первых кабинетов научно-судебной экспертизы – свидетельством признания дактилоскопии как научного инструмента уголовного розыска.

В Забайкальском крае, как и в целом по стране, дактилоскопия стала одним из самых востребованных и эффективных направлений криминалистической деятельности, а база дактокарт постоянно пополняется и совершенствуется. Тем не менее, в крае, несмотря на технологический прогресс, остаются нерешённые проблемы: недостаточное использование передовых методик, ограниченное применение междисциплинарных подходов, таких как дерматоглифика.

Дальнейшее эффективное развитие дактилоскопии требует не только технического совершенствования, но и повышения квалификации кадров, системного межведомственного взаимодействия и расширения научно-практического диалога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Опокин, А. Б., Кислухина, А. А.* История возникновения и развития дактилоскопической экспертизы // Восточно-Европейский научный вестник. 2023. Т. 19. № 1. С. 33–35.
2. *Самищенко, С. С.* Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития. М.: Академия управления МВД России, 2002. 177 с.
3. *Сафонов, А. А. и др.* Автоматизированные дактилоскопические системы органов внутренних дел, используемые в раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 124 с.
4. *Квачевский, А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.: теоретич. и практич. руководство. Санкт-Петербург: тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 374 с.
5. *Лебедев, В. И.* Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия (Пальцевпечатание). СПб.: Тип. Штаба отд. корп., 2-е изд., испр. и доп., 1912. 161 с.
6. *Семеновский, П. С.* Дактилоскопия, как метод регистрации: Краткое руководство для заведующих дактилоскопич. бюро, судебных деятелей и судебных врачей. М.: Упр. уголовного розыска Республики, 1923. 118 с.

7. Рейс, А. А. Научная техника расследования преступлений: курс лекций, прочтён в г. Лозанне проф. Рейссом чинам рус. судеб. ведомства летом 1911 г. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1912. 178 с.
  8. Корниенко, Н. А. История организации государственной службы в России и становление отечественной криминалистики // Криминалистика. 2019. № 4 (29). С. 51–56.
  9. Комаринец, Б. М. Дактилоскопическая идентификация, практическое руководство. М.: Главное управление РК милиции НКВД СССР, 1937. 126 с.
  10. Бастрыкин, А. И. Российская криминалистика: история и современность // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Изд-во Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 7–14.
  11. Потапова, Л. А. О практике производства судебных экспертиз в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 90–101.
  12. Харичкина, И. А. Экспертно-криминалистической службе в системе МВД 100 лет // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 2. С. 117–122.
  13. Лискин, Ю. А., Хвыля-Олинтер, А. И., Ковшов, В. К. Автоматизация дактилоскопических учетов в МВД России // Вестник МВД Российской Федерации. 2005. № 4, 5. С. 70–76.
  14. Пилякин, М. И. Система бескраскового дактилоскопирования «ПАПИЛОН». Плюсы и минусы эксплуатации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 126–128.
  15. Мохоров, Д. А., Демидов, В. П., Мохорова, А. Ю., Долженкова, Е. Развитие дактилоскопических технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (110). Ч. 4. С. 157–161.
  16. Эджубов, Л. Г. Статистическая дактилоскопия. М.: Городец: Формула права, 1999. 183 с.
  17. Репин, А. В. Проблемные аспекты использования раствора чёрного судана для выявления маслянистых следов папиллярных узоров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной научно-практической конференции: в 2 ч. / Отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 279–281.
  18. Репин, А. В., Махлаев, А. М. Сохраняемость следов папиллярных узоров, выявленных раствором чёрного судана, на различных следокопировальных материалах // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 74–81.
  19. Саньков, В. И., Хмелёва, А. В. Ещё раз о микропапилляроскопии // Мир криминалистики. 2017. № 2. С. 55–59.
  20. Богданов, Н. Н., Эджубов, Л. Г. Дерматоглифика и дактилоскопия: возможности взаимодействия и взаимного развития // Криминалистика XXI век: материалы научно-практической конференции: в 2-х т. Т. 1. 2001. С. 131–134.
1. Хайруллова, Э. Т., Шадрина, Е. С. Современное состояние дактилоскопической регистрации // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 92–96.

REFERENCES

1. *Opokin, A. B., Kisluhina, A. A.* Istorya vozniknoveniya i razvitiya daktiloskopicheskoy ekspertizy [History of the Origin and Development of Dactyloscopic Examination]. Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy vestnik – East European Scientific Journal. 2023, Vol. 19, no. 1, pp. 33–35. (in Russian).
2. *Samishchenko, S. S.* Sovremennaya daktiloskopiya: problemy i tendentsii razvitiya [Modern Dactyloscopy: Problems and Development Trends]. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002, 177 p. (in Russian).
3. *Safonov, A. A. et al.* Avtomatizirovannye daktiloskopicheskie sistemy organov vnutrennikh del, ispol'zuemye v raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Automated Dactyloscopic Systems of Internal Affairs Bodies Used in the Detection and Investigation of Crimes]. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2024, 124 p. (in Russian).
4. *Kvachevskiy, A. A.* Ob ugolovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestupleniy po sudebnym ustavam 1864 g.: teoretich. i praktich. rukovodstvo [On Criminal Prosecution, Inquiry and Preliminary Investigation of Crimes under the Judicial Charters of 1864: Theoretical and Practical Guide]. Sankt-Peterburg: tip. F.S. Sushchinskogo, 1866, 374 p. (in Russian).
5. *Lebedev, V. I.* Iskusstvo raskrytiya prestupleniy. Daktiloskopiya (Pal'tsepechataniye) [The Art of Crime Detection. Dactyloscopy (Fingerprinting)]. SPb.: Tip. Shtaba otd. korp., 2-e izd., ispr. i dop., 1912, 161 p. (in Russian).
6. *Semenovskiy, P. S.* Daktiloskopiya, kak metod registratsii: Kratkoye rukovodstvo dlya zaveduyushchikh daktiloskopich. byuro, sudebnykh deyateley i sudebnykh vrachey [Dactyloscopy as a Registration Method: A Brief Guide for Heads of Dactyloscopic Bureaus, Judicial Officials and Forensic Doctors]. M.: Upr. ugolovnogo rozyska Respubliki, 1923. 118 p. (in Russian).
7. *Reys, A. A.* Nauchnaya tekhnika rassledovaniya prestupleniy: kurs lektsiy, prochtyon v g. Lozanne prof. Reysom chinam russ. sudeb. vedomstva letom 1911 g. [Scientific Technique of Crime Investigation: A Course of Lectures Delivered in Lausanne by Prof. Reiss to Officials of the Russian Judiciary in the Summer of 1911]. Sankt-Peterburg: Senat. tip., 1912. 178 p. (in Russian).
8. *Kor'nenko, N. A.* Istorya organizatsii gosudarstvennoy sluzhby v Rossii i stanovleniye otechestvennoy kriminalistiki [History of the Organization of Public Service in Russia and the Formation of Domestic Criminalistics]. Kriminalist' – Criminalist. 2019, no. 4(29), pp. 51–56. (in Russian).
9. *Komarinets, B.M.* Daktiloskopicheskaya identifikatsiya, prakticheskoye rukovodstvo [Dactyloscopic Identification: A Practical Guide]. M.: Glavnaya upravleniye RK militsii NKVD SSSR, 1937. 126 p. (in Russian).
10. *Bastrykin, A.I.* [Russian Criminalistics: History and Modernity]. Sovetskaya i rossiyskaya kriminalistika: traditsii i perspektivy: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [Soviet and Russian Criminalistics: Traditions and Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Moscow, 2023, pp. 7–14. (in Russian).
11. *Potapova, L. A.* O praktike proizvodstva sudebnykh ekspertiz v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [On the Practice of Forensic Examinations During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii – Herald of the Russian Law Academy. 2025, no. 2, pp. 90–101. (in Russian).

12. *Kharichkina, I. A.* Ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhbe v sisteme MVD 100 let [100 Years of the Forensic Expert Service in the Ministry of Internal Affairs System]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» — Bulletin of South Ural State University. Series “Law”. 2019, vol. 19, no. 2, pp. 117–122. (in Russian).
13. *Liskin, Yu.A., Khvyla-Olinter, A.I., Kovshov, V.K.* Avtomatizatsiya daktiloskopicheskikh uchetov v MVD Rossii [Automation of Dactyloscopic Records in the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik MVD Rossiyskoy Federatsii – Vestnik of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2005, no. 4, 5. pp. 70–76. (in Russian).
14. *Pilyakin, M. I.* Sistema beskraskovogo daktiloskopirovaniya «PAPILON». Plyusy i minusy ekspluatatsii [The “PAPILON” Inkless Fingerprinting System. Pros and Cons of Operation]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, no. 9, pp. 126–128. (in Russian).
15. *Mokhorov, D. A., Demidov, V. P., Mokhorova, A. Yu., Dolzhenkova, E.* Razvitiye daktiloskopicheskikh tekhnologiy [Development of Dactyloscopic Technologies]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal International – Research Journal. 2021, no. 8 (110), Part 4, pp. 157–161. (in Russian).
16. *Edzhubov, L. G.* Statisticheskaya daktiloskopiya [Statistical Dactyloscopy]. M.: Gorodets: Formula prava, 1999, 183 p. (in Russian).
17. *Repin, A. V.* [Problematic Aspects of Using Sudan Black Solution for Revealing Greasy Traces of Papillary Patterns]. Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. [Current Problems of Combating Crime: Theory and Practice Issues: Proceedings of the 25th International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Resp. ed. D.V. Kim. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii]. 2022, Part 2, pp. 279–281. (in Russian).
18. *Repin, A. V., Makhlaev, A. M.* Sokhranyayemost' sledov papillyarnyx uzorov, vyyavlennykh rastvorom chernogo sudana, na razlichnykh sledokopirovochnykh materialakh [Preservation of Papillary Pattern Traces Revealed by Sudan Black Solution on Various Trace Copying Materials]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (49), pp. 74–81. (in Russian).
19. *San'kov, V. I., Khmelyova, A. V.* Yeshchyo raz o mikropapillaryaroskopii [Once Again About Micropapillarioscopy]. Mir kriminalistiki – World of Forensics. 2017, no. 2, pp. 55–59. (in Russian).
20. *Bogdanov, N. N., Edzhubov, L. G.* [Dermatoglyphics and Dactyloscopy: Opportunities for Interaction and Mutual Development]. Kriminalistika XXI vek: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2-kh t. T. 1 [Forensics of the 21st Century: Proceedings of the Scientific and Practical Conference: in 2 vols. Vol. 1. 2001. Pp. 131–134. (in Russian).
21. *Khayrullova, E. T., Shadrina, E. S.* Sovremennoye sostoyaniye daktiloskopicheskoy registratsii [Current State of Dactyloscopic Registration]. Uchyonyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Vol. 4. no. 2 (8). Pp. 92–96. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Севостьянова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин. Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета. 662000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Анохина, 56.

Скобина Елена Александровна, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса. Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета. 662000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Анохина, 56.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Sevostyanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy, Entrepreneurship, and Humanities. Chita Institute (Branch) of Baikal State University. 56, Anokhina st., Chita, Russian Federation, 662000.

Elena A. Skobina, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure. Chita Institute (Branch) of Baikal State University. 56, Anokhina st., Chita, Russian Federation, 662000.